

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-288-300

И.А. БУНИН, М.А. АЛДАНОВ, В.В. НАБОКОВ: СУЖДЕНИЯ ОБ ОДНОМ ПО-РАЗНОМУ

Шадурский В.В.

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению высказываний Бунина, Алданова и Набокова о русской классической литературе. Рассмотрен аспект отношения к Пушкину, Гоголю и Толстому в литературно-критических высказываниях и эссе этих авторов. Определена специфика точек зрения каждого из трёх взаимосвязанных художников слова на творческое наследие классиков русской литературы XIX века.

Ключевые слова: И.А. Бунин, М.А. Алданов, В.В. Набоков, русская классическая литература, литература русского зарубежья, рецепция А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого.

IVAN BUNIN, MARK ALDANOV, VLADIMIR NABOKOV: DIFFERENT VIEWS ON THE SAME TOPIC

V. Shadursky

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, B.St. Petersburgskaya st., Veliky Novgorod, Russian Federation, 173003*

Abstract. The article compares the observations of Bunin, Aldanov and Nabokov on the topic of Russian classical literature. Under consideration are attitudes toward Pushkin, Gogol and Tolstoy, as expressed in the literary criticism and the essays of these three authors. In addition, the specific point of view of each of the three interconnected writers on the creative heritage of classics in Russian literature of the 19th century is elaborated.

Keywords: I. Bunin, M. Aldanov, V. Nabokov, Russian classical literature, Russian Emigre Literature, reception of A. Pushkin, N. Gogol, L. Tolstoy.

Нами уже предпринималось исследование темы «Русские классики в творческом восприятии М.А. Алданова и В.В. Набокова: схождение и полемика» в аспекте переписки двух писателей, что отражено в докладе «Русские классики в творческом восприятии М.А. Алданова и В.В. Набокова: схождение и полемика: аспект переписки» на международной конференции «Набоковские чтения – 2015» в музее В.В. Набокова Санкт-Петербургского государственного университета.

В данной работе речь ведётся об эссе и литературно-критических статьях Бунина, Алданова, Набокова в трёх смысловых «перекрестьях»: А.С. Пушкин,

Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой. Только в некоторых случаях привлекаются высказывания из дневников и воспоминаний; этот аспект творческого наследия писателей-изгнанников ещё ждёт своего интерпретатора, заслуживает большого самостоятельного труда, о чём хорошо сказано в недавней статье Н.Ю. Симбирцевой: «Жанр этих произведений различен, в форме литературных портретов, автобиографий, дневниковых записей, медитативных очерков, эпистолярная писатели передают атмосферу литературной жизни эмиграции» [19, с. 146].

Пушкину все три автора посвятили не одно литературно-критическое сочинение. Но именно старшему современнику Алданова и Набокова повезло услышать лестные отзывы, которые возносили его самого до гения Пушкина. Вот мнение одного из строгих критиков, от чьего пера досталось многим в литературе зарубежья: Г.В. Адамович, неожиданно сопоставляя Бунина с автором «Капитанской дочки», писал ему 20 декабря 1944 г.: «В сущности он единственный не-сумасшедший из великих русских писателей <...>. В вас много от него, от “не дай мне Бог сойти с ума”, и это Вас к нему притягивает» [1, с. 43].

Бунин высказывался о Пушкине многократно, в сформировавшейся ещё до эмиграции эстетической системе Бунина создатель «Онегина» – безусловный гений. Очевидно, что, оказавшись за рубежом, Бунин только укрепляет цельность своей литературной позиции, продолжая противопоставлять творчество современников, преимущественно модернистов, русской классике. Уже в эмиграции он опубликует в «Возрождении» заметку «Думая о Пуш-

кине» [10], выросшую из ответов на 3 анкетные вопроса; каждый ответ – это рассказ о том, как в любом месте и в любое время жива память о Пушкине, ассоциации с ним, ведь Пушкин – это «...воплощение простоты, благородства, свободы, здоровья, ума, такта, меры, вкуса...» [10, с. 3]. Чего стоят такие многозначительные реплики в бунинских дневниках: «Всё перечитываю Пушкина. Всю мою долгую жизнь, с отрочества не могу примириться с его дикой гибелью!» [22, с. 175] (запись 12 февраля 1945 года). В 1949 году по случаю 150-летия со дня рождения поэта Буниным было произнесено короткое, но очень эмоциональное «Слово о Пушкине»: «Полтора века тому назад Бог даровал России великое счастье. Но не дано было ей сохранить это счастье. В некий страшный срок пресеклась, при её попустительстве, драгоценная жизнь Того, Кто воплотил в себе её высшие совершенства» [11, с. 418]. Правда, тогда писатель не смог удержаться, чтобы не выразить свой гнев в отношении советской власти, и сохранение имени Пушкина связал с неизменностью России, с её неизблемыми константами, нравственными ценностями: «Не поколеблено одно: наша твёрдая вера, что Россия, породившая Пушкина, всё же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих и что воистину не одолеют её до конца силы адавы» [11, с. 418]. Интонации Бунина экспрессивные, он в большей степени выражает пафос, показывает владение риторическими фигурами, нежели характеризует идеи, конкретные образы или стилистические находки Пушкина.

Первые слова Алданова о Пушкине встречаются в дебютном исследовании «Толстой и Роллан», которое создава-

лось ещё в России. Алданов сравнивает Пушкина и других классиков со своим «кумиром» – Л.Н. Толстым. Уже тогда Лев Толстой стал для Алданова образцом политической свободы, свободы сохранять своё достоинство и демонстрировать моральные принципы. На его фоне даже Пушкин кажется совершенно зависимой личностью. В «Загадке Толстого», уже в новой редакции первого тома, вышедшей в 1923 году в Берлине, Алданов, обращаясь к мелким биографическим подробностям, выражает досаду из-за фактов унижения великого поэта, когда тот, находясь в стеснённых обстоятельствах, писал шефу жандармов «...письма, которые нельзя читать без чувства унижения и боли. Он мог написать “Стансы”, когда кости повешенных декабристов ещё не истлели в могиле <...> Он брал денежные подарки от правительства Николая I <...> пел гимны, которым, впрочем, даже не старался придать хотя бы художественное достоинство <...> Так ли писал Пушкин, когда писал для вечности?» [6, с. 107]. Заметим, что здесь нет осуждения, лишь сопоставление фактов с подразумеваемым горьким выводом о том, как отсутствие свободы умаляет творчество гения.

Пушкин не вошёл в предлагаемую Алдановым для Европы «табель о рангах» русских писателей XIX века, потому как «главное и бессмертное в Пушкине – его стихи – никому, кроме русских, не доступно» [5, с. 169], а оценить поэзию Пушкина в переводе невозможно. О непосредственном отношении к Пушкину и его наследию можно узнать также из публицистических статей и очерков Алданова: «Неизданные произведения Пушкина (В связи с конгрессом спиритов)» («Дни»,

Берлин, 1925, № 807); «Пушкин на итальянской сцене» («День русской культуры», Париж, 1926); «О “Памятнике”» («Пушкин», Париж, 1937) и других [23, с. 463].

Интересно, что отношение к пушкинским творениям у Алданова было разным, исторические ошибки автору «Полтавы» не прощались. И, тем не менее, он обладает смелостью обозначить общие линии развития литературы от самого известного классика до самого читаемого современника. Более того, Алданов, который полагал, что не способен по-настоящему оценивать стихи, одну из своих редких работ в отношении поэзии посвятил именно пушкинскому стихотворению, но зато – какому! Та статья, как уже упоминалось, вышла в однодневной газете «Пушкин» в 1937 году. В августе 1836 года, по словам Алданова, Пушкин пишет «...странные, противоречивые стихи...» [7, с. 220], в которых слышен «...гневный, презрительный вызов со стороны раздражённого, измученного человека» [7, с. 221]. Стихи, как известно, создавались с оглядкой на безрадостную судьбу Александра Радищева, но имя создателя «Путешествия из Петербурга в Москву» всё-таки ушло из белого автографа «Памятника»; Алданов посвятил несколько абзацев этой теме, чтобы показать, что Радищев был Пушкину «чужой человек» [7, с. 222]. А вот в других случаях, по мнению Алданова, Пушкин отказался от слов, которые были «сильнее и правдивей», в них была «неоспоримая, совершенная правда» [7, с. 222]. Более того, он приходит к интересному заключению о том, что ценность наследия Пушкина, «...Его бессмертие не только в том, что написал он сам, но и в том,

что «вслед» ему написали другие...» [7, с. 222]. Таким образом, главным в этой статье о Пушкине становится поднимаемая проблема свободы, возможность сохранить свою личность, обращаясь исключительно к правде. Для Алданова-эмигранта, имевшего особые политические воззрения, свобода личности – одна из главных ценностей, которую он готов рассматривать даже в текстологических наблюдениях.

Когда в письме от 25 января 1943 г. Алданов сообщит Набокову, что получил заказ на антологию «Сто лет русской художественной прозы» и что «начать предполагается с Пушкина (с неизбежной, но прекрасной “Пиковой дамы”»)» [13, с. 135], а кончить Набоковым, это очевидно сделало бы особую честь автору «Защиты Лужина». Но Алданов, скептик и пессимист, скажет и о самом главном, о том, чего нет в нём, но что есть с избытком в создателе «Онегина»: «...Пушкин был одним из наиболее жизнерадостных людей, когда-либо посетивших землю» [5, с. 165].

Таким образом, алдановский подход к Пушкину совмещает эмоциональную оценку личности и исследовательскую обстоятельность в отношении к текстам.

В той самой статье «Вековой заряд духовности...» Алданов продолжит рассуждения о классике, словно соединяя в одну линию Пушкина, Гоголя и Толстого указанием на произведения, «дышащие страстной любовью к жизни» (у Гоголя), «романтические тона, представляющие необычный соблазн для молодёжи» [5, с. 165] (у Толстого), но пушкинская «жизнерадостность» всё-таки будет первостепенной.

Набоков, как известно, опубликовал речь «Пушкин, или Правда и правдопо-

добие» на французском языке. В ней он высказывается относительно романизированных биографий, а по сути, выступает противником биографического метода и создания литературных жизнеописаний, называя их «правдоподобием». Именно на это время приходится и «работа» Годунова-Чердынцева над книгой о Н.Г. Чернышевском – итог этой оригинальной, талантливой, но претенциозной истории известен. В данном эссе Набоков поразительно заносчив, все, кто омрачил гений Пушкина неадекватным прикосновением, названы либо «посредственными», либо «ограниченными». По его мнению, нужно «улавливать» «живописную правду жизни» [17, с. 550], не более того, и не стоит создавать романов о писателях. Но всё же сам Набоков, не создававший биографий писателя, написал биографию, правда, не художника слова, а одного его произведения – «Евгения Онегина».

Вторая тема общения трёх указанных писателей-«собеседников» – Гоголь.

Гоголь в дореволюционном творчестве Бунина – предмет особого разговора, да и ведётся этот разговор давно. Другое дело – отзывы Бунина, которых становится больше именно после революции. В эмиграции в бунинском восприятии Гоголя появляются и все резкие интонации. В апреле 1940 года он записал: «Не знаю, кого больше ненавижу как человека – Гоголя или Достоевского» [22, с. 47]. Но остались и такие свидетельства современников, цитировавших слова Бунина: «Я – от Гоголя. Никто ничего не понимает. Я из Гоголя вышел» [9, с. 294].

Того же Гоголя Бунин в другое время назовёт иначе: «Мёртвые души»

«нельзя читать серьёзно – очень талантливый шарж и только. А чего только не наплели! <...> И чего только сам не вообразил! <...> России почти не видал, от этого местами нелепое соединение Малороссии и Великороссии» [21, с. 290] (запись 18 сентября 1933 года). А 5 апреля 1942 года напишет: «Вдруг почему-то пришло в голову: Добчинский и Бобчинский... Да: Сквозник-Дмухановский, Яичница... даже Чичиков – всё очень плоско, балаганно – и сто лет все с восторгом повторяют: Добчинский и Бобчинский!» [22, с. 132].

В.Н. Муромцева-Бунина в своём дневнике цитирует слова Бунина, что «...Гоголь сжёг не вторую часть “Мёртвых душ”, а то, что не вышло из этой второй части. Ему хотелось писать в ином стиле, неорганически, а это у него не вышло. Ему хотелось стать Данте, Шекспиром» [22, с. 9] (запись 26 апреля 1934 г.). Через несколько лет Бунин напишет иначе в своём дневнике: «Убеждён, что Гоголь никогда не жёг “Мёртвых душ”» [22, с. 47] (запись 30 апреля 1940 г.).

В эмиграции Бунин даже пишет рассказ-шутку «Жилет пана Михольского» (1936 г.), представляющий собой историю о якобы реальной встрече некоего пана Михольского с Гоголем (литературный источник рассказа – «Анекдот о Гоголе» И.И. Ясинского; правдоподобность «анекдота» Ясинского оспаривал Н.С. Лесков [8, с. 631]). Но это художественная, а не литературно-критическая история, в которой Бунин мог бы написать, что, по его мнению, было «органическим», настоящим в Гоголе, а что – наносным, искусственным, вызывавшим отторжение. Бунин говорил о Гоголе лишь

отрывочно, какого-то выстроенного, продуманного, взвешенного и концептуального направления мысли по поводу создателя «Ревизора» не получили.

Марк Алданов в одной из своих рижских публикаций будет обижен невежеством и невниманием Европы по отношению к русским классикам. Так, в память о Тургеневе появились парижские публикации. Но что в них? «В одной из газет главным произведением Тургенева назвали роман «Рондины» <...> в другой сообщили, что Гоголь, автор «Турасы Бульбы», покончил самоубийством, были и неизбежные «русские степи», но в общем почти всё в некрологах было хорошо и точно; и в некоторых из них упоминался даже Белинский, – кто бы подумал!» [4, с. 2].

Набоков же в работе «Николай Гоголь» в 1944 году своими «исследовательскими» экспериментами вызовет скандал, чего стоит только первая главка, в которой обозначаются главные темы гоголевского творчества – желудок и нос: «...телесный характер его гения. Живот – предмет обожания в его рассказах, а нос – герой-любовник. Желудок всегда был самым знатным внутренним органом писателя...» [16, с. 404-405]. Очевидно, что набоковские метафоры многими бы были восприняты в штыки. Такие статьи не только бы в «Современные записки» не взяли, не взяли бы ни в одно периодическое издание. Набоков произвёл отрицательное впечатление даже на любящих его современников. Вот и письмо Алданова от 15 сентября 1944 г. по сути критический отклик на только что вышедшую книгу «Николай Гоголь»: «Я прочёл её не “в один присест”, но действительно в два. Это

очень блестящая и остроумная книга, одна из Ваших самых блестящих. Солгал бы Вам, если бы сказал, что с ней согласен. У меня есть возражения к каждой странице. Очень ли Вы будете меня презирать, если я скажу, что, по моему глубокому убеждению, Гоголь, при своей самой подлинной гениальности, был много проще, чем Вы его изображаете <...> Проще и зависимее от иностранных влияний. Говоря о художественных приёмах Гоголя, Вы, конечно, часто говорите о Сирине – и это высшая похвала. Знаю, что Вы совершенно равнодушны к чужому мнению и к моему в частности, но всё-таки хотел бы Вам сказать, что я от Вашей книги в восторге. Со многим и согласен» [13, с. 136-137].

А далее Алданов в письме задаёт вопрос, который бы предполагал, что в оценке Гоголя он отчасти «солидарен» с Набоковым. «Попадались ли Вам мои заметки о Гоголе, кое в чём совпадающие с Вашими (напр. о забавных суждениях о “реализме” и “гражданской скорби” Гоголя, о чудовищности основной моральной идеи “Мёртвых душ” – “виноват был, что торговал мёртвыми душами, а надо было торговать живыми”)?» [13, с. 137].

Но ответа не последовало или он остался неизвестным. Набоков, конечно, не мог не знать алдановской оценки создателя «Ревизора», но не продолжил диалог. Вероятно, диалог был ему не интересен, как и не интересен Алданов в качестве инициатора беседы о литературе. И вот ситуация умолчания: нет сведений в эпистолярной, нет факта полемики в литературных статьях и нет продолжения интересной, интригующей темы оценки Гоголя.

Третий предмет общения в нашем диалоге – Толстой.

Известно, что Бунин при жизни Толстого был обласкан его вниманием, большая часть творческого пути Ивана Алексеевича прошла с ориентиром на мировоззрение Льва Николаевича: «Лев Толстой для Бунина – высшее воплощение художественного мастерства и нравственного достоинства» [15, с. 76]. В различных заметках эмигрантской поры Бунин всегда отмечает нечто родственное, объединяющее с ним. Так, откликаясь на статьи Н.А. Цурикова, опубликованные в «Возрождении» в 1926 году, автор «Деревни» писал: «Нет. Это не Толстовские, это наши общие особенности: особенности языка той сравнительно небольшой местности <...> И разве тем же языком пользовались чуть ли не все крупнейшие русские писатели? Потому что чуть не все они – наши» [12, с. 210-211]. И всё же не отрывочные высказывания, а целую книгу о Толстом Бунин написал очень поздно. Очевидно, что писать ему было также мучительно, как Годунову-Чердынцеву писать о своём отце. «Освобождение Толстого» появилось лишь в 1937 году, а вот алдановский текст «Загадка Толстого», как уже отмечалось, отдельным изданием вышел ещё в 1923 году. Бунин был вынужден комментировать книгу Алданова, цитировать её целыми страницами, соглашаясь в точных формулировках, основанных не на беллетристике, а на знании фактов.

Набоков же, работая над лекциями по русской литературе в 1940-м году, по словам И. Толстого, «отвергает морализаторскую “Войну и мир” как “литературу Больших Идей” и предпочитает более домашнюю “Анну Ка-

ренину» с «Иваном Ильичом»» [20, с. 10].

Принципиальное различие в этих работах не только по жанру, но и по способу изображения объекта. Бунин широко использовал разнообразные источники: от 90-томного собрания сочинений Толстого до дневников, записных книжек писателя. Но главное – в своём философском повествовании он, по словам О. Михайлова, «славит жизнь Толстого» [14, с. 649], перед которым всю жизнь «благоговел»; Бунин обнаруживает «обретение полной внутренней свободы», «смысл существования». Именно в этом сочинении Бунин не стесняется высоких слов, ведь он пишет о подвиге великого предшественника.

В творческом сознании Бунина происходило постепенное формирование целостного восприятия личности Толстого – от частных дневниковых записей разных лет к роману «Жизнь Арсеньева», где выражается восхищение перед силой как толстовского чувствования прелести земного естества, так и его пронзительных интуиций о тайне смерти. Итоговым на этом пути явилось художественно-философское эссе «Освобождение Толстого» (1937). Удивительно то, что в этом эссе Бунин вспоминает и младшего современника – Алданова.

Набоков напишет две вещи о Толстом, которые, конечно, только условно могут быть названы лекциями, ибо это тоже литературно-критические эссе. В сравнении с гоголевским эссе здесь подход к представлению произведений несколько иной. Объявляется, что именно нравственным содержанием интересны ему «Анна Каренина» и «Смерть Ивана Ильича». Имеется та

же рубрикация по главам и даже выделение особых частей: «Действующие лица», «Хронология Толстого», «Композиция», «Образность», «Комментарии». Рассуждая о романе «Анна Каренина», он всё больше демонстрирует, как работает под его пером реальный комментарий, хотя самый главный комментарий Набокова (комментарий к «Онегину») начнёт создаваться только с 1949 года. Посмотрим на характеристику рассказа «Смерть Ивана Ильича»: сначала он вписывается в биографический контекст творчества Толстого, затем даётся некое обобщение его художественных решений: «Этот рассказ – самое яркое, самое сложное произведение Толстого <...> Стиль Толстого – на редкость громоздкое и тяжеловесное орудийное средство» [18, с. 309]. А уже потом по сценам, по деталям даётся комментарий, в котором мы видим Набокова, переживающего и за обывательское счастье Ивана Ильича, и за его страх смерти, и за его открытие света.

Алданов всеми силами пытается отстоять художественное первенство боготворимого им Льва Толстого. В письме Набокову 13 мая 1942 г. он будет спорить: «Вы преувеличиваете значение композиции и особенно новизны композиции. За исключением “Войны и мира” почти все, кажется, классические произведения русской литературы в композиционном отношении не очень хороши – и не новы» [13, с. 133].

Ответ Набокова не заставил себя долго ждать, уже в письме через неделю 20 мая 1942 года сказано: «Вы совершенно неправы, говоря, что “почти все классические произведения нашей литературы в композиционном отношении не очень хороши и не новы”».

А “Шинель”? А “Дама с собачкой”? А “Петербург”?» [13, с. 134].

А ещё ранее, в 1928 году в рижской газете «Сегодня» Алданов рассуждает о Толстом: «Ушло ли вперёд искусство со времени его смерти? Если б это было так, то хоть некоторые страницы Толстого казались бы нам устаревшими, старомодными. Я ни одной такой страницы не знаю <...> Марсель Пруст вышел из Толстого, – стоит прочесть сцену прощанья Сванна с герцогом и герцогиней Германт. Не превзойдён он, конечно, и в качестве исторического романиста. Говорят, что новейшие исследования сильно поколебали исторический остов «Войны и мира». Дело, вероятно, не в новейших исследованиях. Как историческому романисту, Толстому можно поставить в упрёк лишь некоторый недостаток беспристрастия. У него были любимцы, были и непреодолимые антипатии. Если б Толстой на основании материалов, которые не могли не быть ему известны, *пожелал* подойти к Кутузову так, как он подошёл к Наполеону, – то, по сравнению, любимцем, скорее, оказался бы Наполеон» [2, с. 8].

В завершение раздумий Алданов пишет о том, что беспокоило и его, и Набокова, и Бунина: «В будущую жизнь он верил плохо. “Как-то спросил себя: верю ли я? Точно ли верю в то, что смысл жизни в исполнении воли Бога, воля же в увеличении любви (согласия) в себе и мире, и что этим увеличением <...> я готовлю свою будущую жизнь? **И невольно ответил, что не верю так, в этой определённой форме.** Во что же я верю? – спросил я. Искренне ответил, что в то, что надо быть добрым: смиряться, прощать, любить. В это верю всем существом»

[2, с. 8]. Алданов не удержался от комментария: «Перед неожиданностью этой замены будущей жизни добротой, перед этим бешеным логическим скачком, невольно теряешься. Он говорил ещё и не то. Он себя спрашивал, нельзя ли вообще обойтись без Бога, хотя бы в целях единения «с безбожниками и агностиками». Правда, от этой мысли он отказался. Но почему? От неё, по словам Льва Николаевича, ему становилось слишком тяжело. Да ведь, может быть, тяжело и безбожникам и агностикам?» [2, с. 8]. Как известно, и Алданов и Бунин были скорее безбожниками, а Набоков – агностиком, и всё же имели особое отношение к потустороннему.

В 1930 году в газете «Сегодня» выйдет публикация Алданова «О слоге Толстого». «В отношении к языку Толстого все мы, я думаю, проходим через две “фазы”. Вначале этот язык удивляет своей неправильностью <...> А с годами приходишь к мысли, что нет и не может быть лучше слога. Только подражать не надо. Да и невозможно» [3, с. 3]. Алданов характеризует одну фразу Толстого, непривычную для слуха и грамматики: «Ни один учитель гимназии не мог бы поставить удовлетворительную оценку за такую фразу <...> Разумеется, Толстой очень легко мог сказать то же самое правильное. Но он к учебникам грамматики относился с совершенным презрением. У него своя грамматика, как у него все своё. Наряду с четырьмя «что» в одной фразе, изумительные, ни с чем не сравнимые, стилистические чудеса» [3, с. 3].

Интересно, что в отличие от Бунина, много лет мечтавшего создать книгу о Толстом, у Алданова эссе о Толстом стало одним из первых сочинений, а

тяга к исследованию разных аспектов творчества писателя только увеличивалась, в этой работе Алданов проявляет себя и как поклонник лингвистического анализа. «О слоге Толстого можно написать целую книгу. В такой книге следовало бы посвятить одну главу его галлицизмам, другую его архаизмам. Толстой принадлежал к тому поколению, которое говорило «Штокгольм», «гошпиталь», «пашпорт» (или пачпорт). Я ещё встречал нескольких говоривших так стариков, – теперь, кажется, ни одного из них больше нет в живых <...> Этим искусством оживлять человека при помощи одной фразы, вложенной в его уста, никто не владел так, как Толстой. Когда столичный адвокат Фонарин сообщает Нехлюдову: “теперь губернатора нет, правит должностью **виц**”, когда графиня Екатерина Ивановна говорит, что в Сенате теперь заседают “Ге, Фе, Де...”, – внутри этих людей точно зажигается мощный волшебный фонарь. Из всех черт и признаков высокого искусства дар «оживления», думаю, самый важный и самый драгоценный» [3, с. 3].

Таким образом, Алданов, не романтичный по сути человек, посвящал свои исследования обнаружению тех возвышающих приёмов, тех стилистических средств Толстого, которые делали его творчество восторгающим читателя.

В заключение отметим: как в случае эпистолярного общения, так и в случае литературно-критического диалога этих трёх знаменитых авторов вырастает целый сюжет. Общее – всё это писатели, выросшие на классической традиции и вынужденные развиваться в условиях эмиграции. Разное – их роли в диалоге, иногда даже в некоем

соревновании, соперничестве. О причудливой форме литературных взаимоотношений Бунина и Набокова, об истории «взаимно влекущих противоположностей и опасного родства» [23, с. 5] уже написано. Лишь добавим: Набоков в этом соперничестве достигает превосходства, Бунин – мучительно проигрывает, Алданов – примиряется с позицией читателя и писателя-реципиента.

Набоков судит о классиках, как мэтр. Он изучает их, пишет о них, как равный, конгениально понимающий всё. Пишет, защищая Пушкина, жалея Гоголя и восхищаясь Толстым.

Бунин не судит, а пишет с упоением о Пушкине, Толстом с ощущением масштаба их наследия, их личностей; он эмоционально реагирует на «неорганическое» у Гоголя, желая ему только вечной славы; в их произведениях Бунин ищет ответы на вопросы, помогающие достойно жить и достойно, с честью уйти из жизни.

Но, пожалуй, главным искателем и ценителем свободы у русских классиков стал Алданов: «Мне очень хотелось бы сказать, что вся русская литература всегда защищала идеи политической свободы, но, к сожалению, даже это не вполне верно (хотя и близко к истине с некоторыми оговорками)» [5, с. 165]. В подтексте его литературно-критических оценок всегда проявляется отношение исследуемого автора к свободе, а потому многое литературно-критическое, эстетическое у Алданова подчиняется политическому. Но если охарактеризовать позицию Алданова в связи со старшим и младшим современниками, то можно прийти к таким выводам. Алданов пытается помочь Набокову избежать крайностей в

оценках русских классиков, пригождаются своими взвешенными оценками Бунину и по сути становится спасительным товарищем, своеобразным оруженосцем, Санчо Пансой, для этих рыцарей, последних аристократов русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адамович Г.В. Письмо И.А. Бунину 20.12.1944 // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 42-44.
2. Алданов М. О Толстом // Сегодня. 9 сентября 1928. № 244. С. 8.
3. Алданов М. О слоге Толстого // Сегодня. 16 ноября 1930. № 317. С. 3.
4. Алданов М.А. О Доме Тургенева в Париже, его похоронах и его месте в литературе // Сегодня. 3 сентября 1933. № 243. С. 2.
5. Алданов М. Введение в антологию «Сто лет русской художественной прозы» // Алданов М. Вековой заряд духовности: Две неопубликованные статьи о русской литературе / подгот. текстов и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 12. С. 164-175.
6. Алданов М.А. Загадка Толстого // Алданов М.А. Соч. в 6 кн. Кн. 6. М.: Новости, 1996. С. 19-140.
7. Алданов М.А. О «Памятнике» // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937) / сост., предисл. и коммент. М. Д. Филина. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2000. С. 218-223.
8. Бабореко А. Рассказы 1932–1952 // Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1988. С. 629-635.
9. Берберова Н.Н. Курсив мой: автобиография. М.: Согласие, 1996. 734 с.
10. Бунин И.А. Думая о Пушкине // Возрождение. 1926. № 373. 10 июня. С. 3-4.
11. Бунин И.А. Слово о Пушкине // «В краю чужом...»: Зарубежная Россия и Пушкин: Статьи, очерки, речи / Сост., предисл. и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 418.
12. Бунин И.А. К воспоминаниям о Толстом // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 210-211.
13. «Как редко теперь пишу по-русски...»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) / предисл. А. Чернышева и Н. Ли; публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 121-146.
14. Михайлов О.Н. Комментарии // Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1988. С. 625-718.
15. Морозов С.Н. И.А. Бунин – литературный критик // И.А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рожд. И.А. Бунина. М.: Наследие, 1995. С. 72-78.
16. Набоков В.В. Николай Гоголь // Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода: В 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 1997. С. 400-522.
17. Набоков В.В. Пушкин, или Правда и правдоподобие // Набоков В.В. Собрание сочинений американского периода: В 5 т. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 1997. С. 538-550.
18. Набоков В.В. Лев Толстой (1828–1910) // Набоков В.В. Лекции по русской литературе / пер. с англ., предисл. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1996. С. 219-315.
19. Симбирцева Н.Ю. Жанровые формы литературных мемуаров первой волны русского зарубежья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 2. С. 146-150.
20. Толстой Ив. Несколько слов о «главном герое» Набокова // Набоков В.В. Лекции по русской литературе / пер. с англ., предисл. Ив. Толстого. М.: Независимая газета, 1996. С. 7-12.

21. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. Т. 2 / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. 319 с.
22. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. Т. 3 / под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. 223 с.
23. Филин М. Об авторах // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин / сост., вступ. ст. и комм. М. Филина. М.: Рус. миръ: Рыбинск: Рыбинск. подворье, 1998. С. 463-471.
24. Шраер М. Бунин и Набоков. История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015. 222 с.

REFERENCES

1. Adamovich G.V. Pis'mo I.A. Buninu 20.12.1944 [Letter to I. Bunin 20.12.1944] // I.A. Bunin: Novye materialy. № I [I. Bunin: New materials. I] / Comp., edited by O. Korostelev and R. Davis. M., Russkii put', 2004. pp. 42-44.
2. Aldanov M. O Tolstom [About Tolstoy] // Segodnya. 9 sentyabrya. 1928 [Today. 1928, September 8th]. no. 244. P. 8.
3. Aldanov M. O sloge Tolstogo [On Tolstoy's style] // Segodnya. 16 noyabrya. 1930 [Today. 1930, November 16th]. no. 317. P. 3.
4. Aldanov M.A. O Dome Turgeneva v Parizhe, ego pokhoronakh i ego meste v literature [On the house of Turgenev in Paris, his funeral and his place in literature] // Segodnya. 3 sentyabrya. 1933 [Today. 1933, September 3rd]. no. 243. P. 2.
5. Aldanov M. Vvedenie v antologiyu «Sto let russkoi khudozhestvennoi prozy» [The introduction to the anthology "Hundred years of the Russian artistic prose"] // Aldanov M. Vekovoi zaryad dukhovnosti: Dve neopublikovannye stat'i o russkoi literature. Oktyabr' [M. Aldanov. Secular charge of spirituality: Two unpublished articles on Russian literature. October] / Text prep. and publ. by A. Chernyshev. 1996. pp. 164-175.
6. Aldanov M.A. Zagadka Tolstogo [The Mystery of Tolstoy] // Aldanov M.A. Soch. v 6 kn. Kn. 6 [M. Aldanov. Works in 6 books. Book 6]. M., Novosti, 1996. pp. 19-140.
7. Aldanov M.A. O «Pamyatnike» [On "Monument"] // T'Sentral'nyi Pushkinskii komitet v Parizhe (1935-1937) [Pushkin Central Committee in Paris (1935-1937)] / Comp., foreword. and comments by M. D. Filin. Vol. 1. M., Ellis Lak, 2000. pp. 218-223.
8. Baboreko A. Rasskazy 1932-1952 [Stories 1932-1952] // Bunin I.A. Sobr. soch.: V 6 t. T. 5 [I. Bunin. Coll. works: In 6 vols. Vol. 5]. M., Khudozhestvennaya lit-ra, 1988. pp. 629-635.
9. Berberova N.N. Kursiv moi: avtobiografiya [My emphasis: the autobiography]. M., Soglasie, 1996. 734 p.
10. Bunin I.A. Dumaya o Pushkine [Thinking about Pushkin] // Vozrozhdenie [Rebirth]. 1926. no. 373. June 10th. pp. 3-4.
11. Bunin I.A. Slovo o Pushkine [Word about Pushkin] // V krayu chuzhom...: Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin: Stat'i, ocherki, rechi [In the strange land: Russia Abroad and Pushkin: Articles, essays, speech] / Comp., foreword. and comments by M.D. Filin. M., Russkii mir"; Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, 1998. P. 418.
12. Bunin I.A. K vospominaniyam o Tolstom [To memories of Tolstoy] // Bunin I.A. Publitsistika 1918-1953 godov [I. Bunin. Journalism of 1918-1953 years] / Gen. ed. by O. N. Mikhailov. M., IMLI RAN, Nasledie, 2000. pp. 210-211.
13. «Kak redko teper' pishu po-russki...»: Iz perepiski V. V. Nabokova i M.A. Aldanova (1940-1956) ["How rarely do I now write in Russian...": From the correspondence of Vladimir Nabokov and M. Aldanov (1940-1956)] / Foreword. by A. Chernyshev // Oktyabr' [October]. 1996. no. 1. pp. 121-146.

14. Mikhailov O.N. Kommentarii [Comments] // Bunin I.A. Sobr. soch.: V 6 t. T. 6 [I. Bunin. Coll. works: In 6 vols. Vol. 6]. M., Khudozhestvennaya lit-ra, 1988. pp. 625–718.
15. Morozov S.N. I.A. Bunin – literaturnyi kritik [I. Bunin as literary critic] // I.A. Bunin i russkaya literatura XX veka: Po materialam Mezhd. nauchn. konf., posvyashch. 125-letiyu so dnya rozhd. I.A. Bunina. [Ivan Bunin and Russian literature of 20th century: on materials of the Int. scientific. conf. dedicated to 125th anniversary of I. Bunin]. M., Nasledie, 1995. pp. 72–78.
16. Nabokov V.V. Nikolai Gogol' [Nikolay Gogol] // Nabokov V.V. Sobr. soch. amerik. perioda: V 5 t. T. 1 [V. Nabokov. Collected works of the american period: In 5 vols. Vol. 1]. SPb., Simpozium, 1997. pp. 400–522.
17. Nabokov V.V. Pushkin, ili Pravda i pravdopodobie [Pushkin, or the Truth and credibility] // Nabokov V.V. Sobr. soch. amerik. perioda: V 5 t. T. 1 [V. Nabokov. Collected works of the American period: In 5 vols. Vol. 1]. SPb., Simpozium, 1997. pp. 538–550.
18. Nabokov V.V. Lev Tolstoi (1828–1910) [Leo Tolstoy (1828-1910)] // Nabokov V.V. Leksii po russkoi literature [Vladimir Nabokov. Lectures on Russian literature] / Transl. from English., foreword. by Iv. Tolstoy. M., Nezavisimaya gazeta, 1996. pp. 219–315.
19. Simbirtseva N.YU. Zhanrovye formy literaturnykh memuarov pervoi volny russkogo zarubezh'ya [Genre forms of literary memoirs of the first wave of the Russian Abroad] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology]. 2011. no. 2. pp. 146–150.
20. Tolstoi Iv. Neskol'ko slov o «glavnom geroe» Nabokova [A few words about Nabokov's "main character"] // Nabokov V.V. Leksii po russkoi literature [Vladimir Nabokov. Lectures on Russian literature] / Transl. from English., foreword. by I. Tolstoy. M., Nezavisimaya gazeta, 1996. pp. 7–12.
21. Ustami Buninykh: Dnevnik Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: v 3 t. T. 2. [Bunin's words: the Diaries of Ivan and Vera Nikolaevna and other archival materials: in 3 vols. Vol. 2]. Frankfurt am Main, Posev, 1981. 319 p.
22. Ustami Buninykh: Dnevnik Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: v 3 t. T. 3 [Bunin's words: the Diaries of Ivan and Vera Nikolaevna and other archival materials: in 3 vols. Vol. 3]. Frankfurt am Main, Posev, 1982. 223 p.
23. Filin M. Ob avtorakh [About the authors] // «V krayu chuzhom...». Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin ["In the strange land". Russia abroad and Pushkin] / Comp., introd. art and comm. by M. Filin. M., Rus. mir": Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, 1998. pp. 463–471.
24. Shraer M. Bunin i Nabokov. Istoriya sopernichestva. [Bunin and Nabokov. The history of the rivalry]. 2nd ed. M., Al'pina non-fikshn, 2015. 222 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шадурский Владимир Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;
e-mail: shadvlad@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Shadursky – candidate of Philological Sciences, associate professor, associate professor at the Department of Russian and Foreign Literature of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
e-mail: shadvlad@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Шадурский В.В. И.А. Бунин, М.А. Алданов, В.В. Набоков: суждения об одном по-разному // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 288-300.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-288-300

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Shadursky. Ivan Bunin, Mark Aldanov, Vladimir Nabokov: different views on the same topic // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 288-300.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-288-300